

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.11

Правильная ссылка на статью:

Тетерин А. В. Интеграция мигрантов и право на свободу вероисповедания: современные проблемы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 194—208. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.11.

For citation:

Teterin A.V. Migrant integration and freedom of religion: modern problems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 2. P. 194—208. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.11.

А. В. Тетерин

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ И ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ И ПРАВО
НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

MIGRANT INTEGRATION AND FREEDOM
OF RELIGION: MODERN PROBLEMS

ТЕТЕРИН Александр Викторович — ассистент кафедры конституционного и муниципального права, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

E-MAIL: alexander.teterin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9773-9949

Alexandr V. TETERIN¹ — Teaching Assistant
E-MAIL: alexander.teterin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9773-9949

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Аннотация. Раскрываются теоретические и практические проблемы интеграции мигрантов из мусульманских стран в социокультурный контекст принимающих государств Западной Европы. В фокусе внимания рефлексия по поводу положения правовой

Abstract. The article explores theoretical and practical problems of socio-cultural integration of the Muslim migrants in the Western European countries. The study is focused on the reflection regarding the challenges that the European legal system is facing in new religious realities

европейской системы в новых религиозных реалиях, привносимых мигрантскими сообществами в постхристианский культурный контекст. На основе анализа результатов социологических исследований, проведенных в европейских странах, выявлен комплекс факторов, определяющих отношение населения принимающих государств к мигрантам. Автор обращает особое внимание на социально-юридический аспект миграционных процессов. Отражение миграционных процессов в практике Европейского суда по правам человека свидетельствует об изменении допустимых пределов ограничения права на свободу совести и вероисповедания. Проведенное исследование опровергает критику позиций Европейского суда по правам человека как дискриминационных и ассимиляционных. Автор подтверждает возможность ограничения права на свободу вероисповедания в целях обеспечения условий для культурной интеграции мигрантов-мусульман.

Ключевые слова: миграционные процессы, свобода вероисповедания, ислам, мультикультурализм, конфликт

brought by migrant communities in the post-Christian cultural context. Based on the analysis of the data of sociological studies conducted in Europe, a number of factors determining the attitudes of the population of the receiving countries towards migrants are singled out. The author pays a special attention to social and legal aspects of migration processes. The reflection of the migration in the practice of the European Court of Human Rights marks certain changes in acceptable limits of restrictions on the right to freedom of thought, belief and religion. The study refutes criticism on the position of the European Court of Human Rights considered as discriminatory and assimilatory. The author proves that the religious right can be restricted to help ensure socio-cultural integration of the Muslim migrants.

Keywords: migration processes, freedom of religion, Islam, multiculturalism, conflict

Миграционный кризис последних лет, наблюдаемый в странах Западной Европы, требует комплексного изучения теории и практики адаптации мигрантов в принимающих государствах. Обращение к данной проблеме актуализируется в связи с возрастанием потоков внешней миграции, увеличением количества беженцев, носителей религиозных идеологий, ценности которых серьезно расходятся с ценностями либерально-демократических доктрин.

В пользу серьезности обсуждаемой проблемы свидетельствует статистика (см. рис. 1). Согласно результатам мониторинга статистической службы Европейского союза, с 2012 г. наблюдается последовательный рост числа беженцев: 431 тыс. человек в 2013 г., 627 тыс. в 2014 г., около 1300 000 человек в 2015 г. Большинство беженцев прибыло в Европу из Сирии, Афганистана и Ирака. Насколько позволяет судить анализ данных, неуклонно возрастает количество граждан Ирана, Эфиопии, Албании, рассылающих прошения о предоставлении убежища. Отдельного вни-

мания заслуживает тот факт, что среди беженцев преобладает молодежь — 83 % прибывших моложе 35 лет¹.

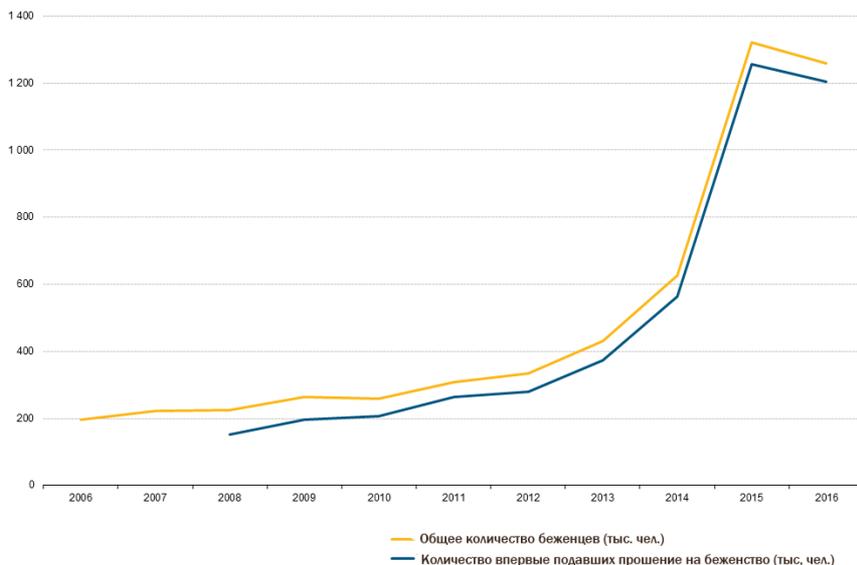

Рисунок 1. Динамика изменения количества беженцев, 2006—2016 гг.²

Обозначенная проблема нашла свое осмысление в поле социологических исследований. В некоторых из них отрицается наличие корреляций между проблемами адаптации мигрантов и их вероисповеданием.

М. Хэлблинг, профессор Бамбергского университета, считает, что проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, не могут быть связаны напрямую с их вероисповеданием. Он полагает, что необходимо четко разграничить понятия «ксенофобия» и «исламофобия». «Оказалось, что религиозные люди, которые регулярно ходят в церковь, более склонны к ксенофобии, но менее исламофобны, чем обычные люди. — Пишет Хэлблинг. — Это подкрепляет аргументы о том, что религиозные люди действительно консервативны и поэтому враждебно относятся к иностранцам, но проявляют признаки солидарности с другими религиозными группами» [Helbling, 2010].

Увеличение количества мигрантов-мусульман вызывает неоднозначную реакцию в европейских государствах. С одной стороны, формирование общин мигрантов-мусульман создает ощущение исламской угрозы. С другой стороны, возрастание числа мигрантов-мусульман неизбежно влечет формирование профессиональных и межличностных связей в обществе. Успешная интеграция мигрантов-мусульман приводит (особенно в случае формирования дружеских

¹ Там же.

² Источник: Eurostat: Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics (дата обращения: 25.02.2018).

отношений) к изменению гражданами европейского государства негативного отношения к мигрантам [Savelkoul et al., 2011].

Долгое время в социологических исследованиях миграционных отношений не уделялось должного внимания ценностным факторам, однако исследование ценностей принимающего общества не только уместно, но и необходимо, так как именно ценностные установки во многом определяют отношение населения к таким явлениям, как возрастание количества мигрантов в стране [Davidov et al., 2008]. Ряд современных социологических исследований связывают сложности адаптации мигрантов с консервативными ценностями принимающего общества. Негативное отношение гражданина к социальным группам, не соответствующим его ценностным ориентирам (например, бездомным, иностранцам с иными национально-культурными традициями, вероисповеданием и т.д.), выражает стремление сохранить неизменным существующий социальный порядок. При этом представления о надлежащем социальном порядке отражают индивидуально-личностное понимание стандартов «нормальности» [Zick et al., 2010]. В основе такого отношения лежит общая идеология неравенства. Человек, отвергающий признание прав одной отличающейся социальной группы, склонен отрицать права других подобных групп [Allport, 1954].

Отдельные социологические исследования посвящены рассмотрению ценностных ориентаций как причин негативного отношения к различным группам меньшинств [Feldman, 2003; Schwartz, 1992]. Насколько можно судить по этим работам, позитивное восприятие миграции напрямую коррелирует с принятием на мировоззренческом уровне концепции универсальных общечеловеческих ценностей.

Фотография 1. Демонстрация в поддержку беженцев «Открытые границы» (Великобритания, 2015)³

В соответствии с данными мониторинга общественного мнения, осуществляемого с 1970-х годов в рамках исследования Европейской комиссии «Евробарометр»⁴,

³ Фото с сайта: <https://fr.timesofisrael.com/5-choses-que-les-juifs-peuvent-faire-pour-aider-a-la-crise-des-refugies/>.

⁴ The European Commission's Eurobarometer Surveys [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/home/> (дата обращения: 06.09.2017).

европейские граждане, придерживающиеся консервативных взглядов, выступают против предоставления мигрантам гражданства и полного спектра прав [Davidov, Meuleman, 2012]. Эти выводы неоднократно подтверждались социологическими исследованиями, проведенными в отдельно взятых европейских странах.

По официальным данным Федерального статистического управления Федеративной республики Германия⁵, большинство мигрантов в стране имеют турецкое происхождение и исповедуют ислам. Вследствие этого респонденты, разделяющие консервативные ценности, демонстрировали негативное отношение к иммигрантам в целом и к мусульманам в частности [Beirlein et al., 2016].

Фотография 2. Демонстрация против предоставления убежища беженцам (Германия, 2016)⁶

Фотография 3. Марш протеста «Против исламизации Запада» (Великобритания, 2015)⁷

⁵ Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Bevoelkerung.html> (дата обращения: 06.09.2017).

⁶ Источник: WOLFGANG RATTAY/Reuters.

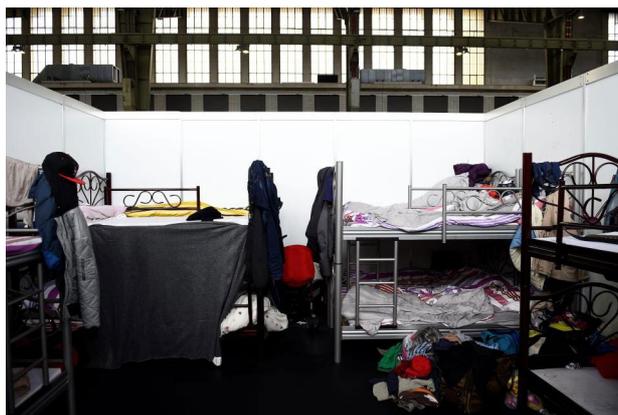
⁷ Фото с сайта: <https://nex24.news/2015/09/islamophobische-uebergriffe-nehmen-zu/>.

Многофакторность возникающих между мигрантами и гражданами принимающего государства конфликтных отношений обусловила проведение междисциплинарных исследований на стыке социологии и психологии. Их результатом стало выявление двух основных источников враждебности по отношению к мигрантам — «реальной угрозы» и «угрозы символам». Под «реальной угрозой» подразумевается угроза экономической и социальной стабильности, занятие мигрантами рабочих мест [Bobo, 1988]. «Угроза символам» — это изменение традиций, ценностей и верований, стиля жизни принимающего общества через соприкосновение с культурными и религиозными традициями мигрантских сообществ [Gaertner, Dovidio, 1986].

Сравнительные социологические исследования показывают, что предрассудки по отношению к мусульманам, вне зависимости от статуса мигранта, более распространены, нежели предрассудки по отношению к иммигрантам в целом [Strabac, Listhaug, 2008]. Проведенные во Франции опросы позволили проследить отчетливую негативную предвзятость в отношении мигрантов-мусульман при сравнении общественного восприятия групп мигрантов-христиан из Сенегала и мигрантов-мусульман из той же страны [Adida, 2016].

Прикладное социологическое изучение проблем уязвимости социального положения мигрантов в Словакии показало, что мигранты из мусульманских государств часто становятся жертвами нападений по мотиву ненависти. Уязвимое положение мигрантов связано также с их социальной изоляцией, отсутствием знаний о способах защиты своих прав, ограниченностью языковых навыков и опыта взаимодействия с государственными институтами [Blazek, 2014].

Следует отдельно выделить исследования, посвященные юному поколению мигрантов. Дети мигрантов часто сталкиваются с психологическими проблемами, основанными на чувстве отстраненности, выключенности из общественной среды [Levesque, Rossem, 2015; Toselli et al., 2014]. Отдельная составляющая депривации беженцев — это жизненные условия и полная неопределенность их будущего [Abou-Saleh, Hughes, 2015].

Фотография 4. В лагере беженцев (Германия, 2016)⁸

⁸ Фото с сайта: <https://www.thesun.co.uk/news/2442990/germany-largest-refugee-camp-tempelhof-airport-berlin-attack-lorry-driver-navid-b/>.

Существует немало число социологических исследований, констатирующих неблагоприятное положение мусульман-иммигрантов в принимающих государствах. В них, как правило, отмечают, что возможности мигрантов-мусульман трудоустроиться и обеспечить себя и семью жильем значительно ниже, нежели у мигрантов-немусульман [Connor, 2014; Connor, Koenig, 2013; Luthra, 2013]. Подобные «барьеры» не просто еще раз поднимают вопрос статуса ислама в Европе, но и затрагивают вопрос индивидуального доступа к материальным ресурсам [Parekh, 2006].

Особое внимание следует уделить научной статье Ф. Конора⁹ и М. Кёниг¹⁰ «Объясняя безработицу мусульман в Западной Европе: проблемы индивидуального характера и этнорелигиозные наказания», в которой анализируются статистические данные «Академического общеевропейского исследования», проводимого Генеральной ассамблеей ESS с 2001 г. и по настоящее время и охватывающего страны Европейского союза и Швейцарию¹¹.

Анализ данных позволил представить альтернативные объяснения тех экономических проблем, с которыми сталкиваются иммигранты-мусульмане. Было показано, что их религиозная принадлежность является лишь одним из факторов, детерминирующих их неравенство.

Одно из объяснений, предложенных Конором и Кёнигом, — это различный социальный капитал: мигранты-мусульмане приезжают из стран с неблагоприятными социально-экономическими условиями, имеют низкий уровень образования и не располагают средствами для повышения своей квалификации. Лишь по прошествии законодательно установленного срока для мигранта становится возможным получение гражданства принимающей страны, овладение языком также требует времени. Кроме всего прочего, мусульмане-мигранты уделяют большее время проведению религиозных обрядов, а их ценности, тяготеющие к коллективизму, противоречат европейским [Connor, Koenig, 2015].

Фотография 5. Улица Парижа перекрыта для осуществления намаза¹²

⁹ Ph.D в области социологии, автор монографий по проблемам интеграции мигрантов.

¹⁰ Ph.D в области социологии, профессор кафедры социологии Геттингенского университета.

¹¹ European social survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/about/> (дата обращения: 15.07.2017).

¹² Фото с сайта: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jan/11/france-model-stops-muslim-leaders-emerging>.

Социологическое изучение практик трудоустройства, опросы и интервью показали, что если имена иммигрантов звучат «по-мусульмански», то на собеседовании при равной квалификации приоритет получают скорее претенденты с христианскими именами [Mitboen, 2014].

Представляется, что проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, не принадлежащие к христианским конфессиям, могут быть частично объяснены в рамках теории социальной идентичности. Согласно одному из центральных положений данной теории, возрастание миграционных потоков влечет две основные угрозы — экономическую и культурную. Но даже если обе угрозы отсутствуют, прибытие мигрантов не повышает риск безработицы для граждан страны, мигранты не стремятся изменить культурные нормы принимающего общества, мигранты-мусульмане будут находиться в неблагоприятном положении в силу религиозных, языковых отличий, препятствующих их интеграции и ассимиляции [Creighton et al., 2015: 90].

В самой среде мусульманских общин возникают конфликты по причине того, что мусульманские организации руководствуются разными подходами к трактовке вопросов вероисповедания. Приведу пример. Движение светских мусульман¹³ выступает за модернизацию ислама и распространение демократических ценностей. Например, активистка движения Фаделя Амара заявляла, что ношение никаба (в переводе с арабского — мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз) означает угнетение женщины.

Фотография 6. Женщина в никабе¹⁴

¹³ Ислам и мусульмане во Франции [Электронный ресурс]. URL.: http://islam-today.ru/islam_v_mire/ostalnoj-mir/islam_i_musulmane_vo_francii/ (дата обращения: 15.07.2017).

¹⁴ Фото с сайта: <https://www.theglobeandmail.com/news/national/muslim-convert-attacked-while-wearing-niqab-in-toronto/article26646425/>.

Партия мусульман Франции, придерживающаяся кардинально отличающейся позиции, выступила против запрета на ношение одежды, закрывающей лицо, в общественных местах [Долгов, 2015].

Существует значимый социально-юридический аспект рассматриваемой проблемы. Правовой статус мигрантов зачастую ограничивает их возможности адаптации. Это проявляется в установлении ограничений срока нахождения на территории государства, права на труд, права на свободное передвижение и доступную медицинскую помощь [Bloemraad et al., 2008].

Хочу сосредоточиться на еще одной важной особенности современных изменений в социальной и правовой сферах, ранее не отмеченной в научных исследованиях. Изменение этнического и социокультурного состава стран Европы вследствие увеличения миграционных потоков имеет определенный обратный эффект. С юридической точки зрения следует констатировать, что это изменение влечет за собой новые толкования правовых норм. Насколько можно судить по анализу литературы вопроса и собственно судебным процессам, в европейских государствах отчетливо наметился процесс переосмысления роли права в установлении содержания свободы совести и вероисповедания. По поводу смыслового наполнения права на свободу совести и вероисповедания и пределах его ограничения регулярно возникают разнообразные конституционные споры. В данном контексте мне представляется весьма перспективным рассмотрение проблемы миграционных процессов в европейских странах и их отражение в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Рассмотрение обозначенной проблемы я провожу с использованием метода формально юридического анализа. В фокусе моего рассмотрения оказались положения текстов конституций и их преобразование путем толкования в судебных решениях с позиций общих принципов права.

Мною были изучены все действующие конституции европейских государств. Проведенный анализ показал, что большинство конституций устанавливают модель светского государства (Франция¹⁵, Федеративная Республика Германия¹⁶, Бельгия¹⁷ и т. д.).

Некоторые тексты конституций предусматривают право на свободу вероисповедания при закреплении особой роли Католической церкви (Италия¹⁸, Испания¹⁹,

¹⁵ The French Constitution of 1958 and its Amendments [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thisnation.com/library/france.html> (дата обращения: 18.01.2017).

¹⁶ Basic law of the Federal Republic of Germany [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html (дата обращения: 18.01.2017).

¹⁷ The Belgian Constitution [Электронный ресурс]. URL: <http://www.partylaw.leidenuniv.nl/party-law/4c8b5e51-c490-454c-8582-16387287acdc.pdf> (дата обращения: 18.01.2017).

¹⁸ Constitution of Italian Republic [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitutionnet.org/sites/default/files/Italy.Constitution.pdf> (дата обращения: 18.01.2017).

¹⁹ Constitution of Spain [Электронный ресурс]. URL: http://www.congreso.es/portal/page/portal/Congreso/Congreso/Hist_Normas/Norm/const_espa_texto_ingles_0.pdf (дата обращения: 18.01.2017).

Княжество Андорра²⁰), Восточной православной церкви (Греция²¹, Болгария²²) или Лютеранской церкви (Финляндия²³, Швеция²⁴).

Как отмечает профессор права, преподаватель Берлинского университета им. Гумбольта Д. Гримм, в большинстве европейских конституций свобода вероисповедания закреплена в качестве индивидуального права. Однако следует обратить внимание и на ее коллективный аспект. Свобода вероисповедания подразумевает право религиозных сообществ самостоятельно определять содержание их вероучений, устанавливать обязательные требования, проистекающие из вероучения, совместно осуществлять религиозную деятельность [Grimm, 2009].

Отмечу в данном контексте, что установление содержания требований, проистекающих из вероучения, является в современной Европе не только внутренним вопросом религиозного сообщества, но и предметом регулирования и ограничения со стороны государства. Такое положение дел наглядно подтверждается рядом решений, принятых за последние годы Европейским судом по правам человека.

Во Франции принцип ассимиляции укоренен в национальной истории, что определяет отношение государства к культурным и религиозным отличиям социальных групп. Вопрос культурных и религиозных различий не должен выноситься в публичную сферу [Bergamaschi, 2013]. Принцип ассимиляции был положен в основу решения ЕСПЧ 2015 г., подтвердившего, что принцип светскости государства является основанием для ограничения выражения принадлежности к религии со стороны лиц, осуществляющих государственно-публичные функции. Исходя из этого принципа, ЕСПЧ обосновал правомерность непродления контракта с заявительницей, работавшей в государственном госпитале и отказывавшейся снять хиджаб²⁵.

В 2014 г. ЕСПЧ использовал в своем решении термин «уважение к условиям «совместного проживания», ранее не применявшийся в судебной практике, доказав с его помощью правомерность законодательного запрета закрывать лица в публичных местах²⁶. Представляется, что приведенные решения в целом соответствуют тренду, согласно которому, во французском социокультурном контексте мусульманские сообщества подвергаются стигматизации и критике, ассоциируются с иным, несовременным миром [Bergamaschi, 2013: 305].

²⁰ Constitution of the Principality Andorra [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ad/ad001en.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).

²¹ The Constitution of Greece [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gr/gr220en.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).

²² Constitution of the Republic of Bulgaria [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.bg/en/const> (дата обращения: 27.01.2017).

²³ The Constitution of Finland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (обращения: 28.01.2017).

²⁴ The Constitution of the Kingdom of Sweden [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/Sweden.pdf> (обращения: 28.01.2017).

²⁵ European court of human rights. Ebrahimian VS France. 26 november 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.strasbourgconsortium.org/content/blurb/files/Judgment%20Ebrahimian%20v.%20France%20-%20non-renewal%20of%20contract%20of%20a%20social%20assistant%20refusing%20to%20remove%20her%20veil%20.pdf> (дата обращения: 22.04.2017).

²⁶ European court of human rights. S.A.S VS France. 26 june 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-145466&filename=001-145466.pdf&TID=fuwrtctbiu> (дата обращения: 22.04.2017).

Ранее, в 2013 г., ЕСПЧ подтвердил обоснованность запрета на открытое ношение христианского крестика медицинской сестрой госпиталя²⁷. Таким образом, судебная практика свидетельствует об установлении определенной иерархии ценностей. В данной иерархии принцип светскости государства превалирует над правом граждан на явное и открытое выражение своей религиозной принадлежности. В социологическом плане важно подчеркнуть, что популяризация негативного отношения к ношению хиджабов предопределяет соответствующее отношение к мусульманам в целом [Helbling, 2014].

Разберу еще один пример. 10 января 2017 г. было вынесено судебное решение по делу об отказе властей Швейцарии разрешить изменение учебного расписания для двух девочек из мусульманской семьи. Родители не хотели отпускать их на уроки плавания в смешанных группах, включенные в обязательную школьную программу. Обязательство следовать полному школьному расписанию рассматривалось ЕСПЧ как условие, способствующее успешной культурной интеграции детей и защищающее их от социальной изоляции. Социальная интеграция в соответствии с европейскими обычаями и моральными нормами обеспечивается посредством участия во всех мероприятиях наравне с другими учениками вне зависимости от религиозных или мировоззренческих взглядов родителей²⁸.

Будет уместным рассмотреть и ровно противоположную ситуацию. Когда дело касалось христианских религиозных традиций, ЕСПЧ занял следующую позицию: вопросы присутствия религиозных символов в учебных классах относятся к ведению конкретного государства. Так, в случае с христианской символикой решение ЕСПЧ признавало, что христианское распятие на стенах классов не свидетельствует о нетолерантности к детям, исповедующим другие религии или атеистам²⁹.

Фотография 7. Распятие в классной комнате Рима³⁰

²⁷ European court of human rights. *Eweida and Chaplin VS United Kingdom* [Электронный ресурс]. URL: <http://swarb.co.uk/eweida-and-others-v-the-united-kingdom-echr-15-jan-2013/> (дата обращения: 22.04.2017).

²⁸ European court of human rights. *Osmanoglu and Kocabas VS Switzerland* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2017/14.html> (дата обращения: 24.04.2017).

²⁹ European court of human rights. *Lautsi and Others VS Italy*, 18 march 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2011/2412.html> (дата обращения: 24.04.2017).

³⁰ Фото с сайта: <https://www.theguardian.com/world/2009/nov/03/italy-classroom-crucifixes-human-rights> (дата обращения: 24.03.2018).

Противоречие подходов ЕСПЧ к решению проблемы соблюдения баланса между доктриной светского государства и правом на свободу вероисповедания отражает стремление стран Европы интегрировать внешних мигрантов именно в европейский социокультурный контекст. ЕСПЧ исходил из необходимости соблюдения баланса охраняемых законом прав граждан. При этом ЕСПЧ оценивал допустимость введенных государством ограничений права на свободу вероисповедания с точки зрения их пропорциональности.

Профессор права Гентского университета Е. Бремс в своих работах рассматривает требование европейских государств, адресуемое женщинам-мусульманкам, открывать лицо в публичных местах как несоответствующее принципу нейтральности государства и ущемляющее права религиозных меньшинств³¹. В академической среде политическая доктрина «совместного проживания» оценивается как чрезмерно абстрактная, не учитывающая специфику каждого конкретного случая [Face veils in Strasbourg: the Belgian cases, 2015]³². Более того, рассмотренные выше решения ЕСПЧ вызывали открытую критику в академическом сообществе³³.

Представляется, что критика позиций ЕСПЧ не вполне обоснована. Полагаю, что сохранение и развитие культурных различий не может рассматриваться в качестве доминирующей конституционной ценности, следует стремиться к достижению баланса конкурирующих прав. Свобода вероисповедания не может рассматриваться как абсолютное право, не подлежащее ограничениям. Защита интересов меньшинств без учета мнения большинства и сложившейся в обществе ситуации ведет к повышению уровня социальной напряженности. Точка зрения ЕСПЧ о возможности и необходимости ограничения права на свободу вероисповедания последовательна и состоятельна с учетом прибытия в Европу возрастающего числа мигрантов, нуждающихся в адаптации к новым условиям.

В заключение еще раз хочу отметить, что проведенный анализ подтвердил наличие корреляций между фактором вероисповедания мигрантов-мусульман и проблемами их интеграции в принимающем обществе. Проблемы проявляются на социальном уровне при рассмотрении миграции как «угрозы символам», на личностном уровне в виде депривации и социальной изолированности мигрантов-мусульман, их экономического неблагополучия.

Рефлексия правовой европейской системы о новых религиозных реалиях, привносимых мигрантскими сообществами, свидетельствует о допустимости ограничения права на свободу вероисповедания при условии соблюдения принципов пропорциональности вводимых ограничений, обеспечения условий для культурной интеграции мигрантов-мусульман и реализации доктрины «совместного проживания».

³¹ Brems E. The Kokott-Sharpston Standoff at the Threshold and the summer of shame [Электронный ресурс]. URL: <https://strasbourgoobservers.com/2016/09/07/headscarves-in-luxembourg-a-blog-series-on-the-contrasting-opinions-of-ag-kokott-and-ag-sharpston/> (дата обращения: 22.01.2017).

³² Face veils in Strasbourg: the Belgian cases [Электронный ресурс]. URL: <https://strasbourgoobservers.com/2015/12/28/face-veils-in-strasbourg-bis-the-belgian-cases/> (дата обращения: 22.01.2017).

³³ Ebrahimian v France: headscarf ban upheld for entire public sector [Электронный ресурс]. URL: <https://strasbourgoobservers.com/2015/11/27/ebrahimian-v-france-headscarf-ban-upheld-for-entire-public-sector/> (дата обращения: 22.01.2017).

Список литературы (References)

- Долгов Б. В. Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 112—140.
- Dolgov B. V. (2015) Muslim Renaissance in France: results and prospects. Actual problems of Europe. No. 4. P. 112—140 (In Russ.)
- Abou-Saleh M., Hughes P. (2015) Mental health of Syrian refugees: Looking backwards and forwards. *Lancet Psychiatry*. Vol. 2. No. 10. P. 870—871. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(15\)00419-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(15)00419-8).
- Adida C., Laitin D., Valfort M. (2016) One Muslim is enough! Evidence from a field experiment in France. *Annals of Economics and Statistics*. No. 121—122. P. 121—160. <https://doi.org/10.15609/annaeconstat2009.121-122.121>.
- Allport G. (1954) *The Nature of Prejudice*. Cambridge: Addison-Wesley Pub. Co.
- Bergamaschi A. (2013) Adolescents and prejudice: a comparative study of the attitudes of two European adolescent populations regarding the issues that are raised by increasing cultural and religious pluralism. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 37. No. 3. P. 302—312. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.02.003>.
- Beierlein C., Kuntz F., Davidov E. (2016) Universalism, conservatism and attitudes toward minority groups. *Social Science Research*. Vol. 58. P. 68—79. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.02.002>.
- Blazek M. (2014) Migration, vulnerability and the complexity of violence: Experiences of documented non-EU migrants in Slovakia. *Geoforum*. Vol. 56. P. 101—112. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.07.002>.
- Bloemraad I., Korteweg A., Yurdakul G. (2008) Citizenship and immigration. Multiculturalism, assimilation, and challenges to the nation-state. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34 No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134608>.
- Bobo L. (1988) Group conflict, prejudice, and the paradox of contemporary racial attitudes. In: P. Katz, D. Taylor *Eliminating racism. Profiles in controversy*. New York: Plenum Press. P. 85—114.
- Connor P. (2014) *Immigrant Faith: Patterns of Immigrant Religion in the United States, Canada and Western Europe*. New York: New York University Press.
- Connor P., Koenig M. (2013) Bridges and barriers: religion and immigrant occupational attainment across integration contexts. *International Migration Review*. Vol. 47. No. 1. P. 3—38. <https://doi.org/10.1111/imre.12012>.
- Connor P., Koenig M. (2015) Explaining the Muslim employment gap in Western Europe: Individual-level effects and ethno-religious penalties. *Social Science Research*. Vol. 49. P. 191—201. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.08.001>.

Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. (2008) Values and support for immigration: a cross-country comparison. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 5. P. 583—599. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn020>.

Davidov E., Meuleman B. (2012) Explaining attitudes toward immigration policies in European countries: the role of human values. *Journal of Ethnic Migration Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 757—775. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.667985>.

Feldman S. (2003) Values, ideology, and the structure of political attitudes. In: Sears D., Huddy L., Jervis R. (Eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. P. 477—510.

Gaertner S., Dovidio J. (1986) The aversive form of racism. In: J. F. Dovidio, S. L. Gaertner. *Prejudice, discrimination and racism*. Orlando: Academia Press. P. 61—90.

Grimm D. (2009) Conflicts between general laws and religious norms. *Cardozo law review*. Vol. 30. No. 6. P. 2369—2382.

Helbling M. (2010) Islamophobia in Switzerland: A New Phenomenon or a New Name for Xenophobia. In: Hug, Simon, Kriesi, Hanspeter (Eds.), *Value Change in Switzerland* Lanham, Lexington Press. P. 65—80.

Helbling M. (2014) Opposing Muslims and the Muslim headscarf in Western Europe. *European Sociological Review*. Vol. 30. No. 2. P. 242—257. <https://doi.org/10.1093/esr/jct038>.

Levecque K, Rossem R. (2015) Depression in Europe: Does migrant integration have mental health payoffs? A cross-national comparison of 20 European countries. *Ethnicity and Health*. Vol. 20. No. 1. P. 49—65. <https://doi.org/10.1080/13557858.2014.883369>.

Luthra R. (2013) Explaining ethnic inequality in the German labor market: labor market institutions, context of reception, and boundaries. *European Sociological Review*. Vol. 29. No. 5. P. 1095—1107. <https://doi.org/10.1093/esr/jcs081>.

Creighton A., Jamal A. (2015) Does Islam play a role in anti-immigrant sentiment? An experimental approach. *Social Science Research*. Vol. 53. P. 89—103. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.04.001>.

Midtboen A. (2014) The invisible second generation? Statistical discrimination and immigrant stereotypes in employment processes in Norway. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 40. No. 10. P. 1657—1675. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.847784>.

Parekh B. (2006) Europe, liberalism and the 'Muslim question'. In: Modood, T., Triandafyllidou, A., Zapata-Barrero, R. (Eds.) *Multiculturalism, Muslims and Citizenship*. Routledge. P. 179—203.

Savelkoul M., Scheepers P., Tolsma J., Hagendoorn L. (2011). Anti-Muslim attitudes in the Netherlands: tests of contradictory hypotheses derived from ethnic competition

theory and intergroup contact theory. *European Sociological Review*. Vol. 27. No. 6. P. 741—758. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq035>.

Schwartz S. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: Zanna M. P. (Ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. Academic Press, New York. P. 1—65.

Strabac Z., Listhaug O. (2008) Anti-Muslim prejudice in Europe: a multilevel analysis of survey data from 30 countries. *Social Science Research*. Vol. 37. No. 1. P. 268—286. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.02.004>.

Toselli S., Gualdi-Russo E., Marzouk D., Sundquist J., Sundquist K. (2014) Psychosocial health among immigrants in central and southern Europe. *European Journal of Public Health*. Vol. 24. No. suppl. 1. P. 26—30. <https://doi.org/10.1093/eurpub/cku100>.

Zick A., Küpper, B., Heitmeyer W. (2010) Prejudices and group-focused enmity — a socio-functional perspective. In: Pelinka, A., Bischof K. (Eds.) *Handbook of Prejudice*. New York: Cambria Press. P. 273—302.